

©

P. Miljukof.
П. Милюковъ.

ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ
РУССКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ
ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

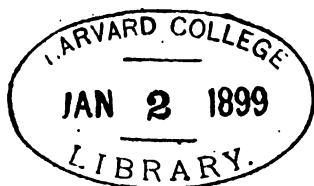
МОСКВА.

Типо-литографія Высочайшии утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеровъ и н^о,
Пименовская ул., собств. дома.

• 1898.

Slav 4100.9

~~104100.4~~

Hayes fund
(I)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ основѣ этой книги лежатъ университетскія лекціи, читанныя мною въ Московскомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, въ 1886—7 учебномъ году. Съ того времени я еще разъ или два возвращался къ этому курсу, перерабатывая и дополняя отдѣльныя части его. При настоящемъ изданіи все содержаніе курса снова подверглось коренной переработкѣ; цѣлыя отдѣлы введены были вновь, другіе передѣланы по новымъ, частью архивнымъ матеріаламъ. Насколько измѣнилось послѣ всѣхъ этихъ дополненій и передѣлокъ первоначальное содержаніе курса, можно видѣть изъ сравненія этой книги съ литографированнымъ студенческимъ курсомъ, издавшимъ мною первыми университетскими слушателями. При всѣхъ перемѣнахъ, однако же, общая группировка матеріала, взглядъ на основныя явленія русской исторіографіи и на ихъ послѣдовательную смѣну, наконецъ, отдѣльныя характеристики многихъ направленій и ихъ представителей — остались неизмѣнными. Мало измѣнились и тѣ основныя теоретическія идеи, которыя въ значительной степени обусловили мои представленія объ общемъ ходѣ развитія русской исторической науки. Съ этими представленіями, десять лѣтъ тому назадъ, я приступалъ къ специальной работѣ надъ русской исторіей, и изученіе „главныхъ теченій русской исторической мысли“ прежнихъ временъ должно было служить для меня лично средствомъ — отдать себѣ сознательный отчетъ

въ выбранномъ мною направленіи историческаго изученія. Время шло, однако, и личный отчетъ передъ собою превращался, мало-по-малу, въ средство оправданія передъ публикой и передъ товарищами по специальности.

Къ сожалѣнію, личныя обстоятельства не позволяютъ мнѣ довести до конца это сведеніе счетовъ съ прошлымъ русской исторической науки. Принужденный измѣнить и мѣсто, и содержаніе моей преподавательской дѣятельности, я долженъ былъ остановиться какъ разъ на томъ моментѣ русской исторіографіи, отъ котораго ведутъ начало теперь существующія и борющіяся между собою направленія нашей науки. Я нисколько не теряю, однако же, надежды вернуться къ продолженію этого труда, связаннаго для меня со столькими пріятными и грустными воспоминаніями, встрѣтившаго меня въ самомъ началѣ моихъ добровольныхъ занятій съ московскою университетскою молодежью—и проводившаго до конца. Въ ожиданіи, пока условія моей ученой дѣятельности позволятъ мнѣ продолжать изложеніе „главныхъ теченій“, я рѣшаюсь выпустить этотъ первый томъ отдѣльно. Текстъ его печатался отдѣльнымъ изданіемъ одновременно съ печатаніемъ статей въ *Русской Мысли*, гостепріимно открывшей мнѣ свои страницы и этимъ давшей возможность внести въ настоящій текстъ нѣсколько новыхъ исправленій. Итакъ,—*sine me, liber, ibis in urbem*...

Рязань, 1 февраля 1897 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стан.
ПРЕДИСЛОВІЕ	III—IV
ВВЕДЕНІЕ	I—6

Цѣль сочиненія. — Отношеніе его къ другимъ новѣйшимъ работамъ по русской исторіографіи. — Хронологическія рамки „главныхъ теченій“ и дѣленіе на періоды.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ—ДО КАРАМЗИНА (ВКЛЮЧИТЕЛЬНО).

I. Синописецъ 7—16

Положеніе „Синописца“ въ ряду другихъ произведеній по русской исторіи. — Искривленіе первоисточниковъ польской исторіографіей и вліяніе ея на „Синописца“. — Ближайшій источникъ „Синописца“. — Его содержаніе: этнографія „Синописца“. — Переработка польскаго матеріала при изложеніи княженій Владиміра Святого, Владиміра Мономаха. — Тенденціи и схематизмъ „Синописца“; его пробѣлы. — Очередныя задачи русской исторіографіи.

II. Историки XVIII столѣтія 16—95

I. Условія ученаго изслѣдованія въ XVIII вѣкѣ. — Офіціальный характеръ исторіографіи. — Границы свободнаго изслѣдованія.

II. Русскіе историки XVIII столѣтія. — Татищевъ — представитель петровской эпохи. — Усвоенное имъ міровоззрѣніе. — Ученая подготовка Татищева и исторія его лѣтописнаго свода. — Другія работы Татищева. — Характеристика его, какъ ученаго. — Домоносовъ — представитель елизаветинской эпохи. — Характеръ „Древней російской исторіи“. — Послѣдователи Ломоносова: Эминъ. — Елагинъ. — Щербатовъ и Болтинъ — представители екатерининской эпохи. — Различіе Щербатова и Болтина. — „Прагматизмъ“ Щер-

батовъ.—Детерминизмъ Болтина въ связи съ современными ему учениями о „физикѣ исторіи“.—Споръ о факторахъ, создающихъ человѣческіе „правы“.—Полемика Болтина противъ рационалистическихъ объясненій Щербатова.—Подготовка обоихъ къ научному труду и личныя особенности каждого.—Подготовительныя работы Щербатова для составленія „Исторіи“.—Подготовительныя работы Болтина.—Исторія Леклерка.—Возраженія Болтина и ихъ характеристика (источники свѣдѣній Болтина, его историческая схема, его любимые предметы изученія).—Полемика со Щербатовымъ; характеристика ученыхъ пріемовъ Болтина въ его „критическихъ примѣчаніяхъ“ на исторію Щербатова.—Спеціальныя труды послѣднихъ годовъ жизни Болтина.—Вѣрна ли сравнительная оцѣнка Болтина и Щербатова ихъ современниками и позднѣйшей историографіей?

III. Нѣмецкіе изслѣдователи русской исторіи въ XVIII вѣкѣ.—Обстановка ихъ ученой дѣятельности.—Байеръ, его научная подготовка; его труды.—Мидлеръ, личныя обстоятельства, опредѣлившія характеръ его ученой дѣятельности.—Его ученые стремленія и житейскія неудачи.—Его дѣятельность въ архивѣ иностранной коллегіи.—Общая характеристика Миллера, какъ ученаго.—Шлецеръ, его значеніе въ европейской историографіи (положеніе ея до Шлецера, значеніе идей всемірной исторіи и, исторической критики, отношеніе Шлецеровскихъ научныхъ идеаловъ къ идеаламъ нашего времени).—Личныя обстоятельства, приведшія Шлецера въ Россію.—Поставленные имъ здѣсь ученые задачи.—Первые успѣхи въ изученіи русской лѣтописи и ихъ вліяніе на установленіе метода критическаго изданія лѣтописи.—Разстройство отношеній къ Миллеру, какъ причина односторонняго знакомства Шлецера съ источниками русской исторіи.—Первые труды Шлецера по русской исторіи.

III. ^{Результъ}Итоги исторической работы XVIII столѣтія

96—146

I. Итоги спеціальной работы. 1) Вопросы исторической этнографіи.—Протестъ Байера противъ средневѣковой этнографіи „Синописа“ и его польскихъ источниковъ.—Популяризація его выводовъ Шлецеромъ.—Современная русская этнографія; какъ источникъ историко-этнографическихъ гипотезъ Татищева.—Лингвистика, какъ основа новой этнографической классификаціи Шлецера.—2) Разработка лѣтописей.—Вопросъ о добросовѣстности Татищева и достовѣрности его лѣтописнаго свода.—Ученые пріемы Татищева.—Обращеніе съ лѣтописями Щербатова.—Взглядъ Шлецера на лѣтопись и его пріемы восстановленія первоначальнаго Нестора.—Неудача его критическихъ пріемовъ и ея причины.—3) Работка актовъ.—Издательская дѣятельность Миллера.—

Занятія Щербатова архивними актами и переписка по этому поводу съ Миллеромъ. — Судьба идеи Миллера объ изданіи „дипломатическаго собранія“ актовъ. — Изданіе актовъ въ „Древней російской Вивлиоикѣ“. — Значеніе актовъ для изученія позднѣйшихъ эпохъ русской исторіи. — Положеніе изученія внутренней исторіи Россіи.

- 1) 1) II. Общіе историческіе взгляды изслѣдователей XVIII вѣка: 1) Взглядъ на задачу историческаго изученія русскихъ изслѣдователей: Татищева, Ломоносова, Щербатова, нѣмецкихъ изслѣдователей: Миллера, Шлецера, Байера. — Взгляды Болтина. — 2) Отношеніе къ источникамъ. — 3) Представленія объ общемъ ходѣ русской исторіи: Татищева, Ломоносова, Миллера и Шлецера; Болтина. — Измѣненія во взглядѣ на начало исторіи; вопросъ о степени культурности древнѣйшей Россіи: полемика Болтина со Щербатовымъ, Шлецера со Шторхомъ. — Отношеніе всѣхъ этихъ писателей къ ломоносовско-татищевской схемѣ. — Оцѣнка ихъ споровъ въ славянофильской историографіи. — Резюме.

V. Карамзинъ и его современники 147—258

- 1) 1) I. Оцѣнка Карамзина въ русской историографіи. — Положеніе его „Исторіи“ въ ряду явленій историографіи. — Несправедливая оцѣнка сдѣланная до Карамзина. — Проспектъ дальнѣйшаго изложенія.

- 1) 1) II. Внѣшняя исторія карамзинскаго труда. — Когда Карамзинъ началъ заниматься источниками русской исторіи и задумалъ свой трудъ. — Зависимость отъ предшествовавшихъ изслѣдователей древнѣйшаго періода. — Зависимость отъ Шлецера, зависимость отъ Щербатова. — Быстрота составленія „Исторіи“.

- 1) 1) III. Отношеніе Карамзина къ предшественникамъ въ методическихъ и теоретическихъ взглядахъ. — Взглядъ на задачи исторіи. — Примѣненіе этого взгляда въ „Исторіи государства Россійскаго“: эпитеты и украшенія рѣчи; стилистическая связь событій; психологическія мотивировки; обрисовка положеній, и характеровъ (Іоаннъ Грозный) въ „Исторіи“ и источникахъ. — „Примѣчанія“ къ исторіи Карамзина, какъ свидѣтельство о его ученыхъ приемахъ. — Отношеніе къ предшественникамъ. — Сырой матеріалъ „Примѣчаній“ и его отношеніе къ источникамъ Щербатовской „Исторіи“. — Усвоеніе Карамзинымъ традиціоннаго взгляда на общій ходъ русской исторіи. — Философія „Исторіи государства Россійскаго“.

- IV. Происхожденіе исторической схемы Карамзина и его предшественниковъ. — Источники ея въ обстоятельствахъ русской исторіи конца XV вѣка: объясненіе удѣльнаго періода княже-

скимъ раздѣлами и установленіе связи московской „всѣя Руси“ съ кievскою Русью,—какъ послѣдствія политики Ивана III.—Историческія гипотезы XVI вѣка для доказательства правъ Москвы на Литву и на вѣчевые города.—Официальная легенда о преемствѣ московской государственной власти отъ византійской.—Ея практическое употребленіе.—Ея роль въ древнѣйшей схемѣ русской исторіи.—Зависимость ученыхъ историковъ отъ традиціоннаго схематизма.

- V. Научная дѣятельность современниковъ Карамзина.—Отношеніе ея къ труду Карамзина.—Возобновленіе идеи Шлецера объ изданіи лѣтописей и учрежденіе Общества исторіи и древностей Россійскихъ.—Первоначальная исторія Общества и причины неудачи его дѣятельности.—Дѣятельность въ Обществѣ Калайдовича.—Канцлеръ Н. П. Румянцевъ и его ученая „дружина“.—Возобновленіе идеи Миллера объ изданіи „дипломатическаго корпуса“.—Бантышъ-Каменскій и планъ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“.—Попытка Румянцева сдѣлать-ся первымъ издателемъ русскихъ лѣтописей.—Пережъны въ ходѣ изданія „Грамотъ и договоровъ“ по смерти Бантыша-Каменскаго.—Собраніе историческихъ матеріаловъ за границей.—Измѣненіе задачъ „Собранія грамотъ и договоровъ“ и расширеніе предпріятія.—Ходъ изданія лѣтописей и поиски за новыми лѣтописными списками.—Поѣздки съ этою цѣлью Строева и Калайдовича.—Ихъ результатъ.—Собраніе и описаніе рукописей, какъ очередная задача ученой дѣятельности.—Описаніе рукописей Строева и Калайдовича.—Дѣятельность Востокова. Предложенія Строева Московскому Обществу Исторіи.—Возобновленіе дѣятельности послѣдняго.—Митр. Евгеній, характеръ его ученой дѣятельности.—Его отношеніе къ румянцевскому кружку.—Отсталость его ученыхъ ваядовъ и отношеніе къ нему современниковъ.

- VI. Отношеніе современниковъ къ „Исторіи государства Россійскаго“.—Услуги Карамзину Тургенева и Малиновскаго.—Отношеніе Румянцева и университетской молодежи къ задачѣ, поставленной Карамзинымъ.—Пріемъ „Исторіи“ большою публикой,—интеллигентными кружками Петербурга.—Критика „Исторіи“ въ журналахъ: замѣчанія Булгарина объ отсутствіи внутренней исторіи въ трудѣ Карамзина.—Замѣчанія Лелевеля о принципиальныхъ заблужденіяхъ Карамзина.—Детальная критика Арцыбашева.—Резюмирующее сужденіе Погодина.—Историческая оцѣнка дѣятельности Карамзина Полевымъ.—Какіхъ передовыхъ идей тогдашней исторіографіи не доставало Карамзину?—Общее сужденіе о его роли въ развитіи науки.

ПЕРИОДЪ ВТОРОЙ—ПОСЛѢ КАРАМЗИНА.

I. Первые попытки критической разработки и философскаго построения русской исторіи 259—396

I. Общее значеніе перелома въ русской исторіографіи. — Основная идея новаго періода исторіографіи. — Реакція противъ рационалистическаго міровоззрѣнія XVIII вѣка. — Отраженіе ея въ теоріяхъ общественныхъ наукъ. — Первые проявленія новаго направленія въ русскихъ журналахъ. — Положеніе университетской науки при Императорѣ Александрѣ I. — Измѣненіе этого положенія съ середины двадцатыхъ годовъ. — Переходная роль идеи исторической критики.

X

II. Скептическая школа, какъ выраженіе перехода отъ критическихъ идей къ философскимъ. — Ученики Шлецера и его продолжатели. — Разница въ исходныхъ точкахъ вѣдѣнія исторической критики XVIII и XIX столѣтій. — М. Т. Каченовскій и его ученая дѣятельность до появленія исторіи Карамзина. — Критическое отношеніе къ Карамзину и дѣятельность на кафедрѣ русской исторіи. — Новые аргументы скептической критики и отношеніе къ нимъ Каченовскаго. — Промежуточное положеніе „скептической школы“. — Постепенное развитіе скептицизма у Каченовскаго. — Крайніе выводы его университетскаго курса и появленіе ихъ въ печати въ рядѣ студенческихъ сочиненій. — Слабое знакомство „скептиковъ“ съ источниками. — Разрушеніе ихъ гипотезъ Погodinъ. — „Оборона лѣтописи“ Буткова. — Защита „скептиковъ“ съ точки вѣдѣнія свободы науки. — Смѣшеніе „скептическаго“ направленія съ критическимъ вообще. — Дѣйствительное значеніе „скептической школы“. — Причина безплодія критической идеи—въ отношеніи молодежи къ этой идѣи ея представителямъ. — Увлеченіе молодежи философско-историческими идеями.

III. Проповѣдники философскихъ идей въ двадцатыхъ годахъ. — Поколѣніе тридцатыхъ годовъ и его предшественники. — Д. М. Велланскій, какъ первый проповѣдникъ шеллингизма въ Россіи. — Отношеніе къ шеллингизму общества и правительства въ двадцатыхъ годахъ. — Давыдовъ и Павловъ. — В. Ѳ. Одоевскій и кружокъ молодыхъ московскихъ „любомудровъ“. — Отношеніе ихъ къ литературной дѣятельности. — „Мнемозина“. — Разстройство кружка и Погodinъ, какъ новый представитель московскаго шеллингизма. — Отношеніе къ нему московскихъ „любомудровъ“ и выборъ его въ редакторы „Московского Вѣстника“. — Судьбановаго шеллингистскаго журнала. — Представители дальнѣйшаго развитія новыхъ философскихъ идей: Надеждинъ. — Полевой. — Хомяковъ. — Позднѣйшія произведенія Велланскаго.

X

IV. Приложение новых философских идей к пониманию истории.—Основные тезисы шеллингизма.—Отношение мира и человека.—Натурфилософские идеи шеллингизма в русской передаче.—Эстетическая деятельность человека, как орган метафизического проникновения в сущность вещей.—Исторические приложения шеллингизма.—Статья И. Средняго-Камашева об „истории, как науке“.—„Афоризмы“ Погодина и „История“ К. Н. Лебедева.—Закономерность и свободная воля в истории.—Сравнение истории человечества с развитием организма.—Возражения Лебедева против всемирно-исторического схематизма.—Его „психологическая“ философия истории.—Физико-географические условия, как причина индивидуализации исторической схемы.—Взгляд на национальность.—Общий ход всемирно-исторического развития.—Изменение взгляда на задачу исторического изучения.—Поводы к дальнейшей, самостоятельной работе мысли во взглядах шеллингизма на религиозный, нравственный и национальный вопросы.

V. Первые опыты философской конструкции русской истории.—Последовательность и взаимная связь этих опытов.—Отношение Н. А. Полевого к современным ему представителям русской исторической науки.—Суждения о нем позднейших исследователей.—Почему Полевого нельзя считать представителем „скептической школы“.—Почему его нельзя считать выразителем „западнического“ взгляда на русскую историю?—Применение новых философско-исторических взглядов в „Истории“ Полевого.—Всемирно-историческая роль России.—Внутренняя закономерность русской истории.—Норманский феодализм; переход его в „семейный“ (удельный), как шаг вперед в развитии государственности.—Государственная эволюция в удельном периоде: первоначальная власть старшего в роду, исключение из старшинства изгоев, переход старшинства в линию Мономаха, замена права силой, окончательное падение власти старшего и раздробление Руси.—„Необходимость“ Монгольского ига.—Усиление providенциальной точки зрения к концу „Истории“.—Успехи идеи „закономерности“ и бессилие объяснить русскую „всемирно-историческую миссию“ в „Истории“ Полевого.—Роль Погодина в развитии исторической науки.—Грубость методических приемов.—Провиденциализм.—Тенденциозность.—Приемы объяснения русской истории.—Отношение к ним современников.—Отрицатели всемирно-исторических начал в русском прошлом.—И. Киреевский: недостаток духовной (античной) культуры, как причина отрешенности русского прошлого от общего хода всемирно-исторического развития.—Усвоение европейского религиозного настроения начала XIX в., как необходимое условие русского всемирно-исторического будущего.—Поправка Киреевского к шеллингистской философии истории.—Непоследовательность ее

(т.-е. ученія о заимствованіи) съ точки зрѣнія тогдашней теоріи.—П. Я. Чаадаевъ: обстановка, въ которой сложилось его міровоззрѣніе.—Отставка, заграничное путешествіе и вліяніе теоретиковъ католической реакціи.—Основные идеи „Писемъ о философіи исторіи“.—Отношеніе къ другимъ философско-историческимъ построєніямъ.—Христіанство, какъ необходимое условіе непрерывнаго прогресса.—Приближеніе къ вселенскому идеалу, какъ единственный критерій всемірно-историческаго значенія историческихъ явленій: отношеніе къ древнему міру, среднимъ вѣкамъ и реформаціи.—Безучастность Россіи въ достиженіи христіанскаго идеала и причины этой безучастности.—Необходимое условіе присоединенія ея къ всемірно-историческому процессу.—Отношеніе Чаадаева къ философской исторіи русскихъ славянофиловъ.—Измѣненія въ его терминологіи и уступки во взглядѣ на всемірно-историческую роль Россіи.—Протестъ противъ „новой“ націоналистической школы.—Примиреніе націоналистическихъ и всемірно-историческихъ элементовъ, какъ задача этой школы.—Предѣлы взаимнаго пониманія Чаадаева и будущаго основателя славянофильства (И. Кирѣевскаго).—Значеніе Чаадаева для славянофиловъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Предлагаемые очерки имѣютъ цѣлью дать общую картину развитія и взаимной связи тѣхъ теорій и общихъ взглядовъ, которые осмысливали для предшествовавшихъ поколѣній спеціальную работу надъ русскою исторіей. Ставя себѣ такую задачу, мы тѣмъ самымъ уже признаемъ, что существуютъ, дѣйствительно, факты, подлежащіе подобному изученію, что развитіе науки русской исторіи не безсмысленно и не случайно, что общее теченіе русской исторіографіи всегда обусловливалось нѣкоторыми основными взглядами, теоріями и системами и всегда находилось въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ развитіемъ общаго міровоззрѣнія. Разумѣется, такое общее представленіе о ходѣ развитія русской исторической науки ничего не предрѣшаетъ относительно частныхъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ слишкомъ часто ученые представители нашей науки не преодолевали того естественнаго антагонизма, который существуетъ между работой спеціальнаго изслѣдователя и разработкой общей теоріи, хотя бы того же самаго предмета: очень многіе видные представители русской исторической науки были весьма плохими теоретиками, и очень многіе теоретики совсѣмъ не были спеціальными учеными. Это наблюдение показываетъ только, что исторія учености не совпадаетъ съ исторіей науки, но оно не можетъ опровергнуть факта существованія внутренней связи между наукой и ученостью. Сознательно или безсознательно, спеціальная работа всегда направлялась какою-нибудь теоріей; пренебреженіе же къ теоріи,—если оно само не было результатомъ теоріи,—большую частью сводилось къ тому, что спеціалистъ становился невольнымъ орудіемъ *отжившей* теоріи,—конечно, къ большому ущербу для значенія его ученой работы.

Изъ сказаннаго видно, что не столько ученая работа сама по себѣ, не столько ея положительныя результаты, сколько направлявшія ея теоретическія побужденія составлять предметъ нашихъ послѣдующихъ наблюденій. Но и изъ числа этихъ побужденій мы будемъ останавливаться только на тѣхъ, которыя характеризуютъ «главныя теченія» русской исторической мысли, т.-е. на тѣхъ только, которыя толкали эту мысль впередъ, расширяя и углубляя ея главное русло. Не претендуя, такимъ образомъ, ни на какую библиографическую полноту и не имѣя въ виду исчерпать всего содержанія исторіи науки, мы должны будемъ, съ другой стороны, не разъ выходить за предѣлы исторіи науки въ чуждыя ей области: это необходимо потому, что большею частью далеко отъ собственной сферы нашей науки зарождались тѣ идеи и настроенія, которымъ суждено было играть въ этой сферѣ руководящую роль.

Пересмотрѣть съ указанною цѣлью главнѣйшіе факты русской исторіографіи будетъ, какъ кажется, дѣломъ далеко не лишнимъ, особенно въ наше время. Теоретическія воззрѣнія на задачи историческаго изученія такъ быстро развивались во второй половинѣ нашего вѣка, что даже въ болѣе обильныхъ историческихъ литературахъ, чѣмъ наша, теорія далеко обогнала спеціальную разработку историческаго матеріала. Поставить вопросъ несравненно легче, конечно, чѣмъ обработать нужныя для отвѣта на него историческія данныя. Такимъ образомъ, съ новыми вопросами намъ приходится чаще всего обращаться къ старой, наличной литературѣ. Между тѣмъ, у этой литературы есть, такъ сказать, своя психологія и патологія: она—эта литература—ставила когда-то свои вопросы, не похожіе на наши и существенно обусловившіе содержаніе даваемыхъ ею отвѣтовъ. Тѣ, старые вопросы теперь давно забыты, а отвѣты, на нихъ данныя, продолжаютъ циркулировать въ ученѣмъ обращеніи. Тамъ, гдѣ ученая циркуляція совершается быстро, часто подвергается пересмотру и старый ученый матеріалъ, и сдѣланные изъ него выводы. У насъ эти выводы держатся иногда десятки лѣтъ, пока дождутся своей провѣрки. Такимъ образомъ, нашъ ученый, а тѣмъ болѣе популярно-историческій обиходъ составляется изъ цѣлага ряда разновременныхъ наслоеній, исторію и происхожденіе которыхъ мы не всегда помнимъ, но которыя одинаково употребляемъ въ дѣло при собственныхъ построе-

ніяхъ. Это — точно истертая отъ употребленія монета на какомъ-нибудь глухомъ, варварскомъ рынкѣ: деньги разныхъ временъ и различныхъ націй; всѣ онѣ одинаково идутъ въ оборотъ, но только нумизматъ можетъ опредѣлить по остаткамъ чекапа происхожденіе и первоначальную цѣнность каждой.

Нѣчто подобное предстоитъ сдѣлать и историку нашей науки. Разсматривая продукты старой исторической литературы, какъ отсложенія бывшихъ моментовъ теоретической мысли, онъ долженъ для каждаго изъ нихъ найти тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ этотъ продуктъ былъ созданъ, возстановить, такъ сказать, ту былую жизнь, которою жило когда-то каждое изъ этихъ созданій. Возстановляя, такимъ образомъ, эти явленія старой исторической литературы въ ихъ *временномъ* и *мѣстномъ* значеніи, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ ихъ значенія абсолютнаго и, слѣдовательно, освобождаетъ обиходъ современной мысли отъ множества историческихкихъ аксіомъ, принятыхъ на вѣру изъ старыхъ историческихкихъ произведеній. При этомъ, конечно, всегда можетъ возникнуть споръ: одинъ наблюдатель склоненъ будетъ считать отжившимъ и мертвымъ то, что другой объявитъ живымъ и живучимъ: это — вопросъ личной точки зрѣнія каждаго. Но что и при этомъ разногласіи не будетъ подлежать спору и что, можетъ быть, поможетъ значительно сузить предѣлы спора, это — сведеніе того или другого частнаго взгляда или спеціальнаго вывода къ тому или другому цѣльному мировоззрѣнію. Именно такого рода сведеніе и должно составлять, съ нашей точки зрѣнія, главнѣйшую задачу историка науки.

Цѣльнаго труда, который бы преслѣдовалъ такую задачу, для русской исторіографіи не существуетъ. Не останавливаясь на болѣе раннихъ попыткахъ изобразить исторію русской исторической науки *), упомянемъ только о двухъ послѣднихъ, наиболѣе крупныхъ. *Исторія русскаго самосознанія* покойнаго Кояловича самымъ заглавіемъ обѣщаетъ представить исторію нашей науки на нѣкоторой теоретической подкладкѣ. Но это же самое заглавіе и обличаетъ въ авторѣ одного изъ героевъ той исторіи, которую онъ собрался писать. Только очень давно можно было говорить, что «историкъ по преимуществу есть

*) См. о нихъ у В. С. Иконникова: *Опытъ русской исторіографіи*. Т. I, кн. I. Кіевъ, 1891 г., стр. 259—269.